

ГУМАНИСТ

2026

3

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ПРЕДУНИВЕРСАРИЯ РГГУ

От главного редактора:

Дорогие читатели! Поздравляю вас с наступлением осени и представляю вам первый выпуск нашего журнала в этом учебном году. По традиции хочу поблагодарить всех, кто помогал мне с подготовкой этого номера, а также авторов, работать с текстами которых — одно удовольствие.

В начале сентября я по невнимательности сообщила десятым классам неверные контакты, и, возможно, какие-то из работ до меня не дошли. В таком случае, я буду рада добавить ваши тексты в следующий выпуск.

Напоминаю, что прислать свою работу вы можете на электронный адрес в конце журнала.

До встречи на наших минималистичных страничках:)

СОДЕРЖАНИЕ

Тася Кашлинская

«У вас есть во все здания пропуска...»

«Я к вам попал еще младенцем...»

Введенская С.

«искать экзистенциальность в каждом неловком шаге...»

кризис

«если звезды однообразны...»

«Маяковский был одинок...»

Саша Е.

«am I that self-centered, man?..»

«я расскажу тебе опять...»

Дарьенто Дедюшко

«Я бегу куда-то постоянно...»

«Везде и постоянно...»

Не говорите никому

Под маской

Анонимный автор

Двадцать первое.

Воспоминания.

Петербург Достоевского.

Тишина.

Осень.

Одиночество.

Яна Екимова

«По стеклу барабанит дождь...»

«Я сегодня снова думала о смерти...»

S.

«Стирая ноги в кровь...»

кризис

сам себе

Федя Пронин

«и для своей любимой напиши...»

«когда называют по имени...»

«каждый раз я иду на войну!...»

Софья Д.

Мягко

Мария Меньших

Пропущенные звонки

Я к вам попал еще младенцем,
Я сразу в руки падал к вам.
Когда еще не билось сердце,
Носили вы меня к волхвам.

Как в клюве голуби, по небу
Несли меня — и под землей
Меня пожертвовали Фебу
С кроваво-красною змеей.

Я не брыкался, был послушен.
Как хорошо, что не впервой!
Седьмой уж век; забыл о суше,
Но откупился головой.

Геенны кровный сын и сажу,
Олимпа младшенькая дочь.
Пустите к вам, небесны стражи!
Я тоже вам хочу помочь!

За сотни лет — а то и больше —
Мне не дано было понять.
Вы кто, родные злые рожи?
Какой вас азбукой призвать?

Я выходил на центр поля,
Я вас преследовал в горах.
Вы не желаете мне боли.
Вы не внушаете мне страх.

Я слышал, как звучат касанья,
И видел ваши голоса.
Раскройте мне секрет создания!
Закройте мне мои глаза!

Я буду видеть ваши руки,
Ваш мир, и ваши же дела
Мне не доставят адской муки:
Итак горбачусь в кандалах.

Но все мне тихо. Замолкают
Цикады, тучи комаров.
Я дергаюсь, но все же знаю —
С меня не снимете оков.

Уже все понял: вы жестоки.
И что же? Ведь и я жесток.
Нечестно вышло: вы — пророки.
А я пока даже не бог.

Тася Кашлинская

У вас есть во все здания пропуска:
И в мечети, и в Бога палаты.
Вы затворники, в меру неброские,
Но внутри, чую я, странноваты.

За плечами у вас десятилетия,
В голове же — века и века.
Для вас все, что неправда — комедия,
Вы достойны смотреть свысока.

Может, что-нибудь мне и дозволено,
Может быть, вы раскроете мне,
О чем пели глухие развалины
И записки кому на стене...

Я смотрела на вас из бинокля,
Отмечала на карте ваш путь.
Убежала из дома, промокла —
Хочу тоже весь мир обмануть!

В граде мертвых я видела урны,
На носочках я шла по мечу.
Я тоже хочу быть умной.
Я тоже про все знать хочу.

Введенская С.

искать экзистенциальность в каждом неловком шаге

видеть вечность в зрачке
каждого жителя вагона метро

общение превратить в пытку
с оценкой каждого жеста, взгляда

с каждым днем
все уже и уже рамки

позволить себе снять смиренную рубашку?
дать вздохнуть

из-за кулис оглушительный шепот
«сюда, помочь затянуть?»

кризис

кризис совместного существования
близится к разрешению или концу
каждый раз борьба с собой и
пересмотр личных границ
сознание
измотанно, но
жаждет испытания

и каждый раз как заново
ты с распростертыми руками: готовишься к объятию или распятию
с одинаково-героическим исступлением,
будто это было нечто значимое:
не очередное бытовое недопонимание,
а последний день помпеи или девятый вал

через пару недель ты обнаружишь где-то внутри
только апофеоз войны

если звезды однообразны
значит они никому не нужны
и уже после первой ночи
потребители как палачи
казнят
душат миллионы
еще не оперившихся
не успевших почувствовать ветер
и шорох перьев подначивающий
выше дальше дальше
и правда человека
свободного
в любви
человека

недостижима

непостижима

и снова приходит мрак
и жажда нежности
в исступлении каждое
обещание
истошно вырывается с 11 этажа
парить или падать или стремглав
но тикает
там в голове маленький кто-то
сковывает тело
простукивает мысли
и
звезд уменьшается многоточие
значит
я или он
скоро останется
в стигийском мраке ночи
наедине с выеденной
червями душой-ладьей
с жаждой захлебнуться
бесконечностью
млечного пути

Маяковский был одинок
(а чем я хуже)
тот еще был пророк
самоубийство свое предрек
Безбожник
и сам свой бог
«В том, что я умираю, не вините никого»

а сейчас я над телом его,
бешено озираясь, стою в луже
крови из простреленного
вынутого вывернутого
сердца Данко

не посмею наступить ногой
но из продрогших пальцев
выскальзывает пистолет
оглушительно пулей в висок:
мог ли столь одинокий Поэт
прожить еще лет сто?

нет
но это мои руки в крови
я я поэта не уберег
автор умер
а я не смог
родиться раньше на век

вымученно
наедине с собой:

я человек

я одинок

бог
есть
бог

Саша Е.

am I that self-centered, man?
or those people are in love?
amorousness's everywhere
I'm a [Jesus Christ!] empath...
or an idiot. you choose.
but the only thing I know
I'm losing and I'll lose,
cause what glitters is not gold.
I will end up on my own,
Trying to re-count attempts:
lists are going row by row,
tears are streaming in waltz temp.
all in all, it's just a myth:
there is neither flirt nor love,
I am sorry to admit
but it is not a flying dove.
I'm delusional. That's it.
This is where limerence from.
but our hands are perfect fit...
and it breaks my «no-feel throne».

я расскажу тебе опять
в стихах про новый дом и счастье;
про слёзы, радости, ненастья,
ты слышишь исповедь подстать.
так происходит нынче много
и рассказать-не-рассказать,
порой, подобранное слово
все чувства может передать.
не знаю, почему и как,
но вновь стихи летят на волю,
мою нетягостную долю
они позволяют разделять.
ты знаешь, здесь весьма не трудно,
не так, как показалось мне,
здесь жизнь: она резва и бурна,
здесь жизнь, а ты в моей главе.
ты знаешь, здесь вполне неплохо,
метро, вокзалы, ввысь дома,
но каждый раз пройдя к вагону,
я вижу наши поезда.

Дарьенто Дедюшко

Я бегу куда-то постоянно,
Куда-то вдаль,
Куда-то вон туда...
Не искала постоянства,
Дома, рая на земле,
Постоянно порождала пламя.
Я жаждала признанья,
Славы, жизни начатой моей.
Я пылаю жаждой знанья,
Пожеланием познания.

Не говорите никому

Вы спрашиваете меня:
«Почему?»
А я вам отвечу:
«Не знаю»
Не знаю, зачем спешу,
Не знаю, что я люблю,
Не знаю, чего хочу.
Я лишь об одном прошу –
Я живу в глухой тиши
Моей души,
Не говорите никому,
О нашем тихом лучезарном счастье.

Везде и постоянно,
Беспощадно и бесстрастно
Я выгоду ищу
И безразличной вам
Показаться не хочу.
Уж слишком долго я пыталась,
Держалась, как могла,
Теперь мое время пришло
Своё уж забирать.
И не осуждайте вы меня,
Ведь сами с таким же хладнокровием
Юность мою продали.
Вы вкололи мне отчаяние худое,
Нету в жизни назначенья.
И гнию я от обиды,
Непонимания, тоски
И становлюсь я
Ровным счётом вами –
Бездыханным телом
С дыркой внутри.

Под маской

Под маской спрятались мы.
Сидели, ждали,
На судьбы интриги смотрели.
Пока другие маски снимали,
Мы их надевали.
Не скучали,
Думали,
Руки наши делом занимали,
Мы молчали,
Мятежи устранили,
Мы травили
Кого любили,
Яд лили
В наши идилии.

Анонимный автор

Двадцать первое.

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Я давно засыпаю одна.
А когда-то, быть может, в сочельник,
Я ждала у окошка тебя.

Сердце щемит тоскою безликой,
Все, что было тогда, - западня.
Я теперь просто сердцем отшельник,
Вспоминаю, себя же браня:

Патриаршие и можжевельник
В Сторожах, на углу. Без тебя,
Уготована участь двуликой
И в глазах у меня темнота.

Воспоминания.

На Спиридоновке таинства-воспоминаний храм,
Где разговорами пряталась от одиночества к Вам.
Ходила путями избитыми, пытаюсь понять, почему
На этой планете счастливые уже не нужны никому.

И манят меня воспоминания, и просят: «Не забывай,
Что будут ещё расставания, что будет, возможно, и рай».

Петербург Достоевского.

Груды мертвых камней
На пустынных бульварах,
Кучи сломанных кирпичей
Во грязных и тесных дворах,
Да к тому же еще тошнота, духота и жара
И везде полусломанные леса.

Пыль и вонь, столь известная каждому здесь,-
Но ведь это Петербург не весь?
Есть еще и дворцы, и фонтаны,
И в садах всех оттенков тюльпаны.

Может быть, это город мечты?
Но он полон и лести, и лжи...

Тишина.

Тишина разразилась громогласным шепотом
По залитому темнотою городу.
Я за сычью песню вторила гоготом
И бежала прочь, прочь навстречу холоду.

Ничего уже не держало голову,
И я мыслей скач обгоняла топотом.
Говорили мне: "Все должно быть смолоду".
Только я одна оставалась с шепотом.

Осень.

Настала осень. Листик желтый,
Кружась, слетает с ветки вниз.
И кошка, зябко озираясь,
Ступает мягко на карниз.

По лужам пес идет лохматый.
Ни для кого уж не сюрприз,
Что дождь идет слегка косматый-
Ведь это осени каприз.

Уже померк и цвет небес.
Не ясен потускневший лес.
Лишь ветвь рябины пламенеет
И ель в чащобе зеленеет.

Одиночество.

Да, я не знаю дат рожденья,
Не знаю, где, когда, зачем.
Но мыслей этих наважденье
Остановить нельзя ничем.

Когда в тиши глубокой ночи
Ты поднимаешь из глубин
То, что забыть уже нет мочи -
Что я один, всегда один.

Яна Екимова

По стеклу барабанит дождь,
Стрелка бежит к двустам.
Прошлого не вернуть,
Значит, вернешься сам.
Пью вкусный кофе с заправки,
Чтоб хоть немного согреться,
Пью его весь, без остатка.
Надо будет теплее одеться.
Фары слепят мне всё в глаза
А в люке над головой темно.
Затекли ноги - но ерунда,
Мне как то уж всё равно.
Я еду совсем далеко, ну, может и не совсем.
Я еду туда, где легко,
Где совсем нет проблем. это место мне нужно для того,
Чтобы из шумной весёлой Москвы Иногда возвращаться в него,
Ну, и потому что здесь ты.

Я сегодня снова думала о смерти,
Размышляла о любви, и о Земле.
И ведь всё же, верьте иль не верьте,
Я иногда завидую будущей себе.
Я почему-то точно знаю,
Что посетю все страны мира, как-нибудь.
И где-нибудь, подальше, полагаю,
Закончится мой странный долгий путь.
Мне не нужна ни слава, ни признание
(А, впрочем, было бы и это хорошо),
Увидеть свет и умереть - моё призвание.
А что же я могу желать ещё?

S.

I tell myself it passed long time ago.
I'm getting close to getting over
But then I see you text and I don't know.
This feeling it is like hangover.
Like when I'm getting really really drunk
(And yeah, I know that you're not drinking)
And I don't know why would you give a fuck.
Like, what the hell you're even thinking?
You know, I'm blaming only you.
You're hurting me without even knowing.
I've no idea what to do,
My feelings only starting, growing.
I hate to see you so depressed,
So now I share the similar feeling.
We're going out overdressed,
Pretending that this is fulfilling.
I think it was a big mistake,
Since then, we shouldn't have met ever
Cause now I'm doing all I can
To hide this stupid awful pain.
It's funny if you think of it.
We're friends now and we're getting closer.
A year ago it would be only dreams
But now I think I'm never getting over.
You know what's funny? We're the same.
We're both pretentious, selfish, sad.
We're playing now this fucking game
That we won't be able to end.

Стирая ноги в кровь,
Бродить по неизвестному району.
Ты не моя совсем любовь,
Но те мгновения не против я делить с тобою.
Нам тополиный пух летит в лицо,
Как долго все мы ждали лета:
И вот наступило оно —
Время радости, счастья и света.
Не можешь даже вдруг представить ты,
Что моя жизнь — вот это вот мгновение:
Затеряться навеки мне в центре Москвы,
И остаться бы там приведеньем.
На носу моем ярко веснушки,
И сияют на солнце глаза...
Но что за строки, я же не Пушкин!
И становится мне им нельзя.
Вот и все мое лето:
Начало иль грустный конец,
Утонуть в океане света,
Бродить средь чуждых улиц и мест.

кризис

сам себе

Весна, эстакада, автобус, метро,
Путь на тренировку, но всё равно
Хочу вырваться к тебе, чтобы по пути домой
Весна, эстакада, поговорить с тобой

Федя Пронин

и для своей любимой напиши,
она ведь любит грубо, но, когда с любовью
и мы запустим в небо холостых
и небо тоже будет холостое

и расскажи о том, как ты любил
и не стесняйся в выраженьях,
а мы запустим в небо холостых.
и небо будет нашим отраженьем

и сигареты, что курил,
опустошенный литр,
и женщины, которых ты любил,
и монотонные молитвы

ты носишь каждый грех на рукаве.
ты должен ЖКХ и местному священнику
а мы запустим в небо холостых,
и небо будет искуплением

когда называют по имени,
делай звук громче, закрывай глаза и ускоряй шаг
этот город безжалостен и беспощаден
по образу и подобию напоминает собой ГУЛАГ

за это он был мной обласкан и горячо любим,
ведь моя детская несбывшаяся мечта-стать каторжанином.
я еду в направлении города, обозначенного буквой N
в этом вагоне только я и томик Цветаевой

ты не встретишь меня на вокзале,
я приеду поздно ночью, под громко раздающиеся звуки арт-обстрела
в этот город все поезда опоздали
этот город находится где-то между твоими губами и небом

он встретит меня не хлебом и солью,
а ментом с автоматом, направленным на меня
но если этот город находится рядом с твоими губами,
то я хочу остаться в нём навсегда!

каждый раз я иду на войну!
когда выхожу к тебе.
мой город- это коробка,
мой город, он же мой плен

я не знаю ни "ваших", ни "наших",
я иду между двух баррикад.
мне в коробке не светит солнце,
только тел одноразовых ряд

я на ощупь пытаюсь любить
как черепаха, запутавшаяся в полиэтилене
я закрываю глаза на счёт три-
видимо, всё-таки прав был Сергей Есенин

им не жалко "дурашливых, юных",
а я шёл между двух баррикад,
выбирая погост на угад,
забывая, о том, что ты любишь

боясь твоего имени,
я горел, поджигая коробку.
и я шёл на войну в беспамятстве
я шёл

умирать
за любовь!

Софья Д. Мяко

Три часа дня. Шторы открыты, а за окном идет дождь. В комнате темно, ветки каштана бьются в стекла, словно просят пустить их в дом: погреться и обсохнуть. Всё сторбленное Оно сидит на стуле за кухонным столом. Оно живет в этом доме без одного года всю свою жизнь и полностью ассоциирует себя с ним. Вдруг краем сознания Оно замечает, что никогда не закрывающиеся на замок или щеколду окна балкона шатаются из стороны в сторону. На холодные половицы ступает маленькая ножка маленькой девочки. Ребенок одет в розовую кофточку с нелепыми присборенными рукавчиками и в такие же милые джинсовые шортики в крапинку. В руках у нее мягкая игрушка, а волосы на висках заплетены в маленькие хвостики. Оно приходит в ужас. Во все глаза Оно смотрит на мокрого ребенка, по щекам которого все еще бегут дорожки слез. Страх доводит до исступления. Мысль о том, что ребенку нужна помощь с невероятной скоростью устремляется вон с коры головного мозга. Сознание проясняется.

Перед глазами появляется включенный телевизор и знакомый потолок гостиной. Тяжелое дыхание и испарина на лбу заполнили весь мир, и вновь Оно сидит на кухне. В этот раз Оно знает, что девочка придет. Охваченное ужасом, чувствуя свою уязвимость, оно медленно поворачивается к окну и видит, как не обращая внимания на стекла, ребенок проходит на балкон. Будто окутанное сизой вуалью его лицо не имеет ни единой черты. Девочка видит Его, скрючившегося на стуле, пытающегося защититься. Она неумолима. Она движется сквозь балконную дверь напрямик к нему. Открыв глаза, Оно видит перед собой живот, как ему кажется принадлежащий девочке. Однако, это совсем не живот ребенка. Он несомненно принадлежит сформировавшейся девушке. Перед ним стоит не тот, кто проходил через стекла. Вернее, тот, но не в том облики. Тот же, но сменивший тела. На животе черной дырой, засасывающий в себя весь свет, громоздится пуп. Оно подняло голову, но не увидело ничего кроме этого плоского живота. Омывшая Его волна отчаяния заставила воздеть руки выше, ухватиться за ребра, грудную клетку, заставить осознать нереальность вещей. С ужасом Оно ощутило теплую плоть под своими пальцами. Кости и кожа принадлежали живому существу. С громким и резким вдохом перед глазами вновь появился потолок.

— Достаточно, — раздался в комнате сдавленный звук.

Мария Меньших

Пропущенные звонки

Нет ничего страшнее, чем совершить проступок, который невозможно потом исправить. Ведь теперь не хватит смелости даже взглянуть в глаза тому человеку, по отношению к кому этот поступок был совершён.

Не помню, каким образом я оказалась на берегу этой реки поздним вечером, когда уже почти стемнело. Я даже не знала раньше о её существовании. Возможно, доехала на велосипеде через лес, облик которого также ускользает из моей памяти. Это и понятно, потому что, увидев реку, я сразу забыла обо всём, бросила вещи и поплыла вдаль.

Река почему-то состояла из каких-то более узких рукавов. Не могу в точности описать эту систему, но я помню, что плыла сквозь некий замысловатый лабиринт и огибала крутые повороты. Самое удивительное, что вода была тёплой, и воздух был пропитан дневным летним зноем несмотря на поздний час. В общем, я находилась в очень спокойном и комфортном, как будто бы нереальном пространстве. И казалось, что из меня самой исходит внутреннее тепло от того, что по телу разливалось сладостное чувство свободы. Я знала, что совершаю нечто запретное, потому что раньше, в моей прошлой жизни, я ни разу не плавала поздним вечером, одна, в какой-то незнакомой речке, да ещё и за много километров от дома.

Я не давала себе отчёт, где я нахожусь и насколько далеко уехала. Я вообще об этом не думала. Я погрузилась в свои мысли, отдалась течению и просто любовалась пейзажем, постепенно погружавшимся во тьму.

Сложно сказать, когда я очнулась от своего полусонного состояния. Я доплыла до опустевшей лодочной станции и смотрела на последние закатные лучи солнца, пробивавшиеся сквозь деревья на другом берегу, как вдруг осознала, что у меня нет с собой телефона. Странно, правда? А почему он вообще должен был быть со мной, раз я пошла плавать?

Я в тот момент не задавала себе таких вопросов. Все мои мысли занимала одна фраза: «У меня сто пропущенных звонков от бабушки». Невозможно описать словами, что происходило со мной и с моим разумом от этой мысли. Меня буквально разрывало изнутри от беспомощности и предчувствия большой беды. Я никак не смогу исправить эту ситуацию, всё потеряно. Это я поняла сразу.

Что я могла сделать? Только быстро доплыть обратно, схватить вещи и через все буреломы кинуться искать дорогу до дома.

Правда я в тот момент, находясь ещё на злополучной лодочной станции, не думала о том, как буду пробираться через лес. Я лихорадочно принялась грести руками и ногами, и в голове у меня звенела ужасная мысль о пропущенных звонках от бабушки и затмевала собой все остальные.

Путь обратно оказался очень долгим и тяжёлым. Видимо когда я плыла сюда, на лодочную станцию, я не думала о том, что происходит вокруг. Просто плыла себе и плыла, находясь в своих мыслях. А теперь мне надо было, казалось, преодолеть это расстояние за секунду, чтобы остался хоть какой-нибудь шанс.

Перепробовав все стили плавания и окончательно выдохшись, я наконец выбралась на берег. Мои мышцы были буквально иссушены бешеной работой. Последний этап пути, утомившись беспорядочно грести руками и ногами, я проплыла дельфином. В таком положении я хоть и не быстро, но всё же достигла своей цели. Однако руки от такой нагрузки грозились опуститься до земли и больше не подниматься.

Выйдя из воды, я сразу кинулась к своим вещам. Хорошо, что их никто не украл. Лихорадочно расстёгивая рюкзак, я вытащила из него телефон. Меня бешено колотило, и я чувствовала, что моё сердце сейчас выпрыгнет из груди.

Вокруг была полная темень. Я поняла, что мой телефон разрядился, и хотела уже впасть в панику от безысходности, как вдруг экран загорелся. Маленькая, ускользающая надежда ещё осталась.

Мелкие символы в верхнем углу экрана показывали, что на телефоне 0%. Но на один звонок должно хватить. Или, по крайней мере, чтобы узнать, насколько всё плохо. Пропущенных звонков пока не отображалось, но это меня не успокаивало – телефон ещё не до конца загрузился.

И тут с бешеной скоростью начали приходить сообщения о звонках от контакта «Бабушка». 3 пропущенных, 6, 9, 15... У меня онемели руки, вывалился телефон, я не находила себе места от ужаса и осознания того, что я натворила. У меня просто не укладывался в голове масштаб всего бедствия, я не могла поверить, что со мной это происходит.

А число пропущенных всё росло по мере загрузки. 20, 25, 34... В конце концов оно дошло до 50. В этот момент мне захотелось провалиться сквозь землю, просто уйти из этой реальности, чтобы не отвечать за всё, что на меня свалилось.

Проснувшись, я долго приходила в себя. Как же хорошо, что это был всего лишь сон! Во сне у нас есть огромное преимущество – оказавшись в страшной и безвыходной ситуации, можно просто проснуться. Можно сбежать, скрыться, выйти за пределы происходящего. Но вместе с тем это и второй шанс, путь к исправлению нашей настоящей реальности. Во сне я увидела утрированные последствия того, что сделала вчера – ничего не написала бабушке за целый день. И проснувшись, я сразу написала ей, что со мной всё хорошо, и она может не беспокоиться.

Но впечатление, которое произвела на меня вся эта история, боюсь, изгладится не скоро.

Гуманист

Редактор: Э.В.Резванова
Компьютерная верстка: Э.В.Резванова
humanitee@yandex.ru
rezvaeve@yandex.com

Тираж: 6 экз.
Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6

